

ЗНАЧЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В МЛАДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

© 2000 г. Х. Папушек*, М. Папушек**, К. Солоед***

*Доктор медицины, президент Международного общества по изучению младенцев,
почетный профессор Людвиг-Максимилиан Университета, Мюнхен

**Доктор медицины, профессор Людвиг-Максимилиан Университета,
руководитель исследовательского подразделения Детского центра, Мюнхен

***Кандидат психологических наук, доцент Московского государственного открытого
педагогического университета, психолог детского психоневрологического санатория, Москва

Рассматривается адаптивное значение общения для онтогенетического и филогенетического развития. В центре внимания исследователей – детско-родительский диалог на ранней стадии его формирования. Утверждается, что успешное овладение речью зависит от ряда важных подготовностей родителей и младенца. Делается вывод о том, что адекватное функционирование в превербальный период оказывает влияние на психическое развитие младенца и его социальную интеграцию.

Ключевые слова: превербальная коммуникация, интуитивное родительское поведение, дидактическая подготовность, нарушения общения в раннем возрасте.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Изучение превербальной коммуникации в раннем возрасте – очень увлекательное и волнующее занятие, так как оно связано с таинственным и трогательным миром младенчества, когда на свет появляются первые ростки человеческой души. Это относительно молодое направление в психологии развития переживает в наше время настоящий исследовательский бум. Не удивительно – ведь в данной области исследования сфокусированы интересы нейропсихологии, психологии развития, психолингвистики. Со стороны практиков – психологов, психотерапевтов, психоаналитиков – существует огромный интерес к пониманию истоков общения и речи, так как именно им приходится иметь дело со сложными, порой таинственными, трудно объяснимыми последствиями нарушений развития, произошедших в самом начале жизненного пути пациентов.

История становления этой чрезвычайно интересной отрасли знаний делится на несколько этапов. Еще в начале столетия пристальное внимание ученых было приковано к открытиям в области эмбриологии и раннего постнатального развития. Ранний онтогенез рассматривался как следствие, предопределенное действием метафизических сил, например вегетативной души, или психического жара. В связи с этим возникла концепция “критических периодов” в поведенческом Эпигенезе, согласно которой события, происходящие с ребенком в определенные периоды времени и обусловленные вмешательством извне, мо-

гут приводить впоследствии к ощутимым изменениям в его поведении [13].

Впервые определяющее значение раннего детского опыта для дальнейшего психического развития ребенка было постулировано в психоаналитической теории. Занимаясь ретроспективным поиском следов переживаний детства, З. Фрейд заложил основу новой традиции в психиатрии и психологии. Опыт, пережитый ребенком в этот период, стал рассматриваться как фундамент дальнейшего психического развития, и ему было приписано решающее значение в возникновении возможных невротических и психических нарушений у взрослых пациентов. Основоположники детского психоанализа А. Фрейд, М. Кляйн, С. Исаакс первыми перешли от ретроспективного анализа в терапевтическом контексте к непосредственному наблюдению за детьми. Новым импульсом к изучению ранних детских переживаний стали наблюдения за младенцами, воспитывающимися в отсутствие матери. Тем самым было положено начало эмпирическим исследованиям в данной области. На основе большого числа подобных наблюдений М. Рибл [31] впервые выдвинула идею о том, что отсутствие материнской любви и заботы может вызвать физические и психические нарушения, в наиболее тяжелых случаях ведущие к маразму. В дальнейшем многие ее гипотезы были эмпирически доказаны данными исследований младенцев, разлученных с матерями во время войны, и сирот из младенческих приютов [6, 10, 30, 35].

Первыми экспериментальными исследованиями превербальной коммуникации можно считать изучение материнской депривации у животных. Одна группа исследователей обнаружила, что мыши и крысы успешнее и быстрее обучаются и развиваются физически и эмоционально, если получают определенную дозу ласкового тактильного контакта [37]. Другая группа ученых проанализировала влияние специфических компонентов материнского поведения на психическое развитие детенышей макак-резус и исследовала, как и в какой степени возможна замена отсутствующей матери [11, 12]. Было сделано интересное открытие: отсутствие матери оказывает различное влияние на разные виды обезьян; матери, отцы и другие родственники принимают неодинаковое участие в заботе о потомстве.

Уже тогда в детской психиатрии существовало представление об исключительной значимости материнского ухода для успешного психического развития ребенка. Материнская забота рассматривалась как незаменимая, а успешность развития взаимоотношений между матерью и ребенком ставилась в исключительную зависимость от уровня эмоционального контакта в паре. Эта теория, впервые выдвинутая Д. Боулби [3], затем получила свое дальнейшее развитие в психиатрической практике. Однако ее ограниченность заключалась в следующем: макаки-резус представляют собой приемлемую модель для изучения развития человеческого поведения. При этом существование специфически человеческих форм поведения, отличных от тех, которые наблюдаются у приматов, полностью игнорировалось. Отчасти такое положение было вызвано недостаточной изученностью в то время филогенеза и онтогенеза человеческого поведения.

С этого момента началось бурное исследование ранних стадий развития поведения и превербальной коммуникации. Совершенствование техники позволило провести новые наблюдения и разработать новые методы оценки данных. Актуальность и важность проводимых работ в этой области предопределили междисциплинарный характер исследований и рост числа занятых в ней ученых. Психиатры и психотерапевты признали, что развитие младенца может быть рассмотрено лишь в контексте его отношений с матерью или другими ухаживающими лицами из его социального окружения, а ранние формы интеракций означают больше, чем простой эмоциональный взаимообмен. Они заинтересовались возможностью оказывать превентивное терапевтическое воздействие на детско-родительские отношения уже в раннем возрасте. Ключевым моментом в истории вопроса стал Первый всемирный конгресс по психиатрии младенческого возраста в Каскаисе (Португалия, 1980), где были представлены новые теоретические и ме-

тодические достижения в области превербальной коммуникации, уточнены терапевтические возможности и высказана идея о недопустимости гипердиагностики психических нарушений в раннем возрасте.

2. ВКЛАД МЛАДЕНЦА В ОБЩЕНИЕ

В отличие от прежних представлений о младенце как пассивном участнике общения, который обладает лишь простейшими эмоциональными реакциями, в настоящее время укрепилось представление о том, что новорожденный, испытывая новые переживания, т.е. получая новый опыт, может обучаться и выражать собственные намерения [5, 16, 17]. В ряде исследований было подтверждено, что уже 4-месячные младенцы в результате получения нового опыта строят собственные базовые представления (или концепты) и ведут себя в дальнейшем в соответствии с ними [19]. Изучение мотивации младенческого поведения отчетливо показало, что необходимо принимать к рассмотрению потребности ребенка не только чисто физиологические, но и интегративные, коммуникативные, в частности потребность аккумулировать новые переживания, проверять взаимосвязь между собственным поведением и его последствиями, вызываемыми в непосредственном окружении, а также потребность находить себе подобных и общаться с ними.

Для объяснения ранних форм поведения человека и определения его роли в эволюции необходимо проанализировать биологические аспекты этого поведения. Цель – обнаружить специфически видовые формы, присущие только человеку, в отличие от аналогичных форм поведения животных. В связи с этим взгляды ученых были направлены на развитие ребенка еще до рождения. Видеосъемка поведения плода в утробе матери показала, что в раннем развитии моторики существует определенная генетическая программа. Но было также продемонстрировано, что в интеграции раннего опыта задействованы процессы обучения и когнитивные способности малыша. Это позволило уточнить прежнее представление о происхождении (табл. 1) и базовых тенденциях (табл. 2) процесса интеграции опыта, получаемого ребенком на ранних этапах развития. Стало ясно, что мир наших переживаний и филогенетический опыт человеческого рода включают в себя определенные поведенческие тенденции, которые были отобраны из большого количества генетической информации в процессе эволюции и передавались наследственным путем. В процессе обучения впервые выделились сознательные и бессознательные компоненты. Роль бессознательного обучения и мышления стала более понятной после того, как была показана зависимость протекания бессознательных процессов от

функционирования полушария головного мозга, доминантного по речи [8, 9].

Как видно из представленного списка (табл. 2), в развитии человеческого поведения наблюдаются различные тенденции, имеющие наследственный характер и широко распространенные в животном мире. К ним относятся: внимание, исследовательский инстинкт, отход, избегание и потребности, тесно связанные с коммуникативным и когнитивным развитием, прежде всего потребность устанавливать контроль за изменением окружающего мира или определять различные результаты собственных действий. Общение играет решающую роль при перепроверке ребенком социального соответствия своих действий. В этом смысле человеку так же, как и животным, важно научиться получать помощь от близких, находить партнера для продолжения рода и завоевывать оптимальное положение в обществе.

Человеческому общению свойственны все атрибуты, типичные для известных в природе приспособительных форм поведения: универсальность, развитие на ранней стадии онтогенеза, коэволюция в соответствии с подкрепляющими тенденциями социального окружения. Однако есть и существенные отличия между мотивацией и социальным поведением человека и животного. К ним относятся: 1) возможность сдвига мотива на цель, 2) альтруизм и мораль, 3) высокий интеллект и высокоразвитый речевой аппарат, 4) развитая тонкая моторика, тесная связь с формированием интегративных способностей.

При формировании привычек, связанных с кормлением, утоление голода может уступить свое место другим мотивам, как только ребенок поймет, что его поведение способно оказывать влияние на окружающих его людей. Еще чаще такое смещение мотива наблюдается во время крика, который может быть вызван не только голодом, болью, страхом, но и требованием удовлетворить познавательную или социальную потребность. И тогда он становится важным средством, позволяющим ребенку манипулировать ухаживающими за ним взрослыми.

В отличие от животных, у человека развита альтруистическая потребность в помощи близким, если они в ней нуждаются. Кроме того, в мотивации человеческого поведения большую роль играют мораль, специфически человеческие отношения долга, социального соответствия, отсутствующие в обществе животных.

Человеческое общение – уникальное явление природы, обеспечивающее наиболее высокую степень адаптации человека к окружающей среде по сравнению с животными. Его предпосылки – высокий интеллект, способность к абстрактной символизации, модуляция голоса в быстро меняющейся последовательности – не являются уни-

Таблица 1. Интеграция опыта. Происхождение

Формы, отобранные в процессе филогенеза	Врожденное поведение Интуитивное поведение
Формы, выработанные в процессе онтогенеза	Выученные бессознательно Выученные осознанно Переданные при помощи речи Креативно возникшие Интегрированные логическим путем

Таблица 2. Интеграция опыта. Базовые тенденции

Название тенденции	Форма проявления
Избегание, отход, торможение	
Внимание, исследование	
Перепроверка и экономизация собственного контроля	
Перепроверка социального соответствия (общения)	Координация Социальное соответствие Репродуктивное соответствие Власть Культура и мораль

кальными природными данными, однако в такой полной комбинации, как у человека, не встречаются ни у одного животного. Так, шимпанзе, которые могут общаться с человеком при помощи жестов, для верbalной коммуникации не хватает развитого речевого аппарата. А некоторые тропические птицы, несмотря на хорошие подражательные способности, позволяющие копировать человеческий голос, никогда не используют речь для общения между собой.

Другая отличительная черта развития общения между людьми – это уникальная комбинация вербальных способностей с движениями пальцев и рук. Вследствие хорошо развитой тонкой моторики человек научился также фиксировать и накапливать свои знания в различных наглядных и доступных для прочтения закодированных формах. Возможность передавать информацию с помощью речи сделала интеграцию опыта более эффективной, ускоренной и экономной. Способность к вербальному опосредствованию открыла уникальные возможности, положенные в основу культуры и вместе с тем повысила степень биологической приспособленности человека.

Основные, базовые тенденции в поведении обнаруживаются уже на ранней стадии развития, другие появляются одновременно с развитием речи либо после его завершения. Превербальные

Таблица 3. Основные формы поведения человека

Характеристики поведения	Врожденное	Интуитивное	Рациональное
Латентный период возникновения (в мс)	40–60	200–400	Минимум 500
Биологическое происхождение	Максим.	Сильное	Миним.
Предсказуемость	Максим.	Высокая	Миним.
Сознательный контроль	Миним.	Слабый	Максим.
Социокультурное происхождение	Миним.	Незначит.	Максим.
Передача через речь	Миним.	Слабое	Максим.

проявления младенцев – голосовые, мимические или жестовые – имеют гораздо большее значение, чем просто эмоциональный сигнал. Еще К. Бюлер [4] подчеркивал, что такие сигналы наряду с выражением собственного состояния отражают еще и актуальную ситуацию общения и в качестве просьбы или требования направлены к партнеру. Очевидно, развитие коммуникативных способностей с самого начала тесно связано не только с эмоциональным состоянием, но и с развитием интегративных способностей: мыслительной способности к обучению.

3. ВКЛАД РОДИТЕЛЕЙ В ОБЩЕНИЕ

Второй составляющей интерактивного процесса является участие родителей. При детальном рассмотрении видеосъемки детско-родительских интеракций были обнаружены новые способы родителей, которые оставались незамеченными при применении глобальных методов наблюдения. Особенно четко они проявились в поведении, которое перенималось детьми бессознательно и не могло быть передано через речь. Эти формы поведения, необходимые для овладения ранними мыслительными способностями и вокализацией, были обозначены как *интуитивная родительская дидактика* [25].

Как можно определить содержание данного понятия? Повседневные действия родителей в диалоге с их малышами точно соответствуют актуальному физическому состоянию ребенка, которое определяется степенью его бодрствования и внимания. При помощи различных способов родителям удается пробудить и в дальнейшем поддерживать внимание ребенка, “дозируя” при этом степень своего вмешательства таким образом, чтобы младенец был в состоянии переработать идущие от них сигналы без особых усилий. Частый повтор таких побуждений, исходящих от родителей, и сильное, эмоционально окрашенное вознаграждение, которое сопровождает каждый маленький шаг в продвижении ребенка вперед, отражает дидактический характер родительского поведения. Так же восприимчиво родители реагируют на снижение внимания со стороны ребенка.

В этом случае они усиливают интенсивность побуждений, изменяют свое поведение или позволяют ребенку просто отдохнуть.

Дидактические способности родителей принадлежат к особой категории биологически обусловленных предпосылок, которые принципиально отличаются от врожденных рефлексов или рационально управляемых форм поведения. Из табл. 3 видна разница между тремя типами поведения: врожденным, интуитивным и рациональным.

В интуитивном поведении родителей большая роль принадлежит генетическим программам, что подтверждается многочисленными проявлениями. Так, например, интуитивные дидактические способности достаточно универсальны и не зависят от пола, возраста и культурного происхождения воспитателей. Они возникают в результате непроизвольных тренировок [34]. Их постоянное проявление вполне соответствует господствующему в природе принципу, согласно которому в ходе эволюции отбираются жизненно необходимые для выживания, специфические для каждого вида приспособительные механизмы. У человека такого рода приспособительными механизмами являются высокий интеллект и верbalная коммуникация. И именно в обучении ребенка речи и действиям, которые можно передать при помощи речи [21], наиболее наглядно проявляются интуитивные дидактические способности, т.е. тонко дифференцированная и дидактически осмыслившая родительская поддержка.

Особенностями дидактического поведения являются: специфическое использование зрительного контакта, лицевой мимики, артикуляции; определение степени бодрости младенца; соответствие ожиданиям ребенка на уровне действий; применение особой “детской речи”; бессознательное использование интонации для сообщения эмоционального состояния и когнитивной информации.

Обращение людей к зрительным контактам – один из примеров видоспецифического поощрения коммуникативных способностей. В то время как все другие виды, включая человекообразных обезьян, избегают прямого зрительного контак-

та, сигнализирующего об угрозе и возможной агрессии, в человеческом общении он, наоборот, наиболее необходим и способствует обмену очень важными сигналами. Сам того не осознавая, взрослый ищет зрительного контакта с младенцем, размещая свое лицо в поле зрения ребенка и облегчая тем самым его (пока еще ограниченное) зрительное восприятие [34]. Взрослые также вознаграждают младенца за каждый полученный от него взгляд особой, так называемой "приветственной реакцией".

Родители постоянно повторяют звуки и мимику малыша, тем самым предоставляя ребенку использовать их лица как "биологическое зеркало", или "биологическое эхо", и развивают таким образом его способность к самовосприятию. Эмоционально окрашенные мимические выражения родителей служат подтверждением желательных форм поведения ребенка и отвержением – нежелательных либо сигнализируют еще неопытному младенцу о том, что он может ожидать от встречи с новым человеком или с незнакомой ситуацией.

Перед тем как вступить в диалог с ребенком, взрослый вначале интуитивно определяет степень бодрости и внимания ребенка, пробуя раскрыть его ручки или открыть ротик, проверяя его мышечный тонус [24]. Сонный ребенок не оказывает никакого сопротивления, в то время как голодный реагирует поисковой реакцией или сосательными движениями. Б. Кестерманн [14] продемонстрировал в своих экспериментах, как язык детских жестов влияет на поведение родителей. Так, например, спокойное поигрывание пальцами полураскрытых ручек сигнализирует о вполне подходящей возможности для вступления в диалог, сильный хватательный рефлекс отражает повышенное напряжение, сниженный мышечный тонус в ручках свидетельствует об усталости и сонливости.

Для успешного развития самовосприятия важно как можно чаще давать младенцу возможность отвечать на чужое обращение таким образом, чтобы эти ответы были, в свою очередь, поняты взрослым. Для этого "достаточно интуитивные родители" часто позволяют малышу манипулировать (в положительном смысле) их поведением, т.е. отвечают на "ходы ребенка" так, как он и ожидает. Они как бы играют с ним в поддавки. Это создает у младенца ощущение того, что он понят и принят. Тем самым подкрепляется один из самых важных интегративных процессов – распознавание того, как можно достичь определенных целей путем изменения собственного поведения.

Наиболее интересные и распространенные примеры интуитивной родительской поддержки обнаруживаются в вокальном общении между младенцем и родителями или другими взрослыми во время овладения ребенком речью. Родители

демонстрируют артикуляцию, перенимая которую дети учатся воспроизводить различные звуки. Вначале малышу не хватает умения задерживать дыхание, что необходимо для спокойной вокализации. Еще сложнее продуцировать согласные и слоги. Как только дыхание развивается настолько, что ребенок научается управлять своими вокализациями, он уже может модулировать мелодию из первых базовых звуков. Постепенное развитие таких шагов поддерживается со стороны социального окружения ребенка как намеренно, так и непроизвольно. Окружающие ребенка родственники – от 2–3-летних братьев и сестер до бабушек и дедушек – используют для этого манеру общения и речи, которая характеризуется на удивление простыми мелодическими единицами с повышенным и расширенным диапазоном и более длительными, певучими гласными ("infant-directed speech") [26].

Компьютерный анализ речи, обращенной к младенцу, показал, насколько важную роль в диалоге с ним играет интонация. Взрослый передает при помощи различных мелодий хорошо дифференциированную информацию и первые категориальные послания, переработка которых подготавливает почву для дальнейших вербальных посланий. Мелодика родительской манеры речи при этом чрезвычайно насыщена информационно [27]. Ухаживающие за ребенком взрослые используют в разговоре, обращенном к нему, такие элементы вокализации, которые сам малыш обнаружил во время подражания и модулирования своих первых вокализаций. Подобным же образом протекают и дальнейшие неосознанные, но на удивление систематически выполняемые шаги, приводящие в конечном итоге к появлению первых слов [28].

Впервые коэволюцию детской и родительской подготовностей к обучению речи помогли понять новые данные о различном вкладе каждого из полушарий головного мозга в овладение речью и тонкой моторикой рук [18]. В первые семь месяцев младенец упражняется в различных технических приемах и развивает способности, релевантные речи. Так, например, он обучается тому, как можно продуцировать и модулировать звуки, распознавать и следовать правилам диалога, комбинировать голосовые проявления с невербальными и т.д. Такое обучение процедурным моментам начинается сразу же после рождения, тогда как декларативное обучение (как что называется, как можно комбинировать абстрактные понятия) зависит от созревания соответствующих мозговых структур и появляется к концу первого года жизни.

На ранних этапах развития ребенка общение играет двоякую роль. С одной стороны, оно есть необходимое условие развития речи, с другой –

предлагает множество возможностей для отработки и автоматизации базальных интегративных процессов. В отсутствие у ребенка таких возможностей под угрозой оказывается не только речевое, но и психическое развитие в целом [23]. Этот факт был подтвержден экспериментально данными наблюдений за развитием близнецовых, каждый из которых получает от родителей в два раза меньше внимания, чем единственный ребенок [2].

4. НАРУШЕНИЯ ОБЩЕНИЯ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ И ИХ ТЕРАПИЯ

Универсальность предпосылок интегративного и коммуникативного поведения у детей и их воспитателей не означает, однако, что они всегда проявляются автоматически и в ненарушенном виде. Речь идет, скорее, о поведенческой готовности, которая может иметь самые различные формы проявления. Из первичного, универсального для всех набора возникает совершенно своеобразная мозаичная картина детско-родительского взаимодействия. Отдельные действия постепенно отрабатываются, синхронизируются и координируются между собой в ходе взаимных интеракций, специфических для каждой пары.

Развитие и протекание общения при воздействии большого количества неблагоприятных факторов задерживается или нарушается [22]. Так, например, нарушение интуитивного родительского поведения может возникнуть вследствие неразрешенных психосоциальных проблем и конфликтов в партнерстве, реально обусловленных или невротических страхах, связанных с ребенком, из-за переутомления или психических заболеваний родителей [1, 32]. Особое значение имеет также наличие неблагоприятного опыта собственных детских переживаний родителей. В подобных случаях они могут быть настолько заняты разрешением своих проблем, что с трудом воспринимают или вообще игнорируют сигналы, исходящие от ребенка, пренебрегают его потребностями и избегают игрового контакта. Другая форма нарушения: взрослые, наоборот, чрезмерно предупредительны в своих проявлениях или слишком стимулируют ребенка, вплоть до того, что он перестает понимать родительские сигналы, переносит их с трудом и в конце концов отвергает вообще. Отказ от общения со стороны ребенка может возникнуть и в том случае, когда женщина не ощущает себя матерью и отвергает младенца ("maternal rejection") [15, 38].

Нарушения родительского отношения проявляются наиболее сильно, когда ребенок принадлежит к категории так называемых "трудных детей" [36], "криклих детей" [7] или к другим группам риска. При этом не обязательно наличие врожденных глухоты, слепоты, церебральных

нарушений движений или синдрома Дауна. Зачастую даже легкие изменения координации, гипотония, пониженный порог возбудимости и сходные с ними симптомы неспецифических нарушений [33] приводят к тому, что сигналы, идущие от ребенка, трудны в распознавании и интерпретации, а сам младенец бывает слишком пассивен, если взрослый не привлекает его внимания. Такие дети могут избегать социальных контактов или реагировать на них возбуждением и усиливением крика. В подобных случаях "трудное" поведение ребенка вызывает у родителей ощущение, что к их родительской компетенции предъявляются чрезмерные требования. Это часто приводит к возникновению синдрома родительского отказа, характеризующегося бессилием и чувством вины [29]. В этом случае общение приобретает постоянное декомпенсирующее влияние на ребенка [20]. Опасность такого положения состоит в том, что в наиболее грубых случаях коммуникативные нарушения усиливаются, фиксируются и приводят к небрежному и/или жестокому обращению с детьми.

В настоящее время все еще наблюдается дефицит надежных и простых в применении методов распознавания ранних нарушений превербальной коммуникации. Вместе с тем на практике неоднократно подтверждено, что знаками возможных последующих нарушений у ребенка являются: чрезмерная пассивность; избегание контакта; повышенная возбудимость и частый плач; недостаточное развитие дифференцированных форм общения; отказ от еды; нарушения сна, не обусловленные органическими причинами; сильная тревога или выраженные защитные реакции при столкновении с новой ситуацией или незнакомым человеком. В поведении родителей такими предвестниками служат: игнорирование непринужденного, расслабленного диалога с младенцем в те моменты, когда он выражает свою готовность к общению; недостаток игровых элементов; игнорирование или замедленное реагирование на детские сигналы; неадекватное "дозированное" побуждений в отношении ребенка; чрезмерно рациональное, "дирижерское" вмешательство; недостаточные усилия по поддержанию диалога, игры, удерживанию внимания ребенка или отсутствие побуждений к общению.

В настоящее время существует множество разнообразных, часто перекликающихся между собой терапевтических методов коррекции детско-родительских отношений на ранних этапах развития. Зачастую эти программы, предполагающие вмешательство в процесс общения, оставляют без внимания главную особенность интуитивного родительского поведения: незначительную возможность контролировать его сознательно, рационально и произвольно. При работе с родителями в программах Института социальной педиа-

трии при Людвиг-Максимилиан Университете в Мюнхене основными принципами являются: 1) снятие психофизического напряжения у родителей; 2) облегчение реализации и терапевтическая поддержка интуитивного родительского воспитания; 3) выработка эффективных форм интуитивного родительского воспитания в естественно протекающих повседневных ситуациях обучения [29]. Представляется важным направить терапевтические усилия на то, чтобы родители полностью следовали темпу и уровню развития своего ребенка и позволили бы себе в собственном интуитивном поведении следовать предпочтениям младенца, его спонтанно возникающим интересам и динамике, а также полагались бы на свою интуитивную готовность к совместному диалогу или игре с малышом. Использование такой психотерапии совместно с медикаментозным лечением первичных органических нарушений способно предотвратить или прервать угрожающий декомпенсацией порочный круг нарушенных интеракций, активировать уже имеющиеся оздоровительные силы и пробудить новые. Наш опыт показывает, что однажды пережитый, даже самый скромный успех может значительно повлиять на дальнейшую мотивацию в достижении новых результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bastick T. Intuition // How we think and act. N.Y.: Wiley and Sons, 1982.
2. Bornstein M.H. How infant and mother jointly contribute to developing cognitive competence in the child // Proceedings of the National Academy of Sciences. 1985. V. 82. P. 7470–7473.
3. Bowlby J. Maternal care and mental health: WHO Monographies. 1952. № 2.
4. Bühler K. Sprachtheorie. Jena: Fischer, 1934.
5. Dornes M. Der kompetente Säugling. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1993.
6. Freud A. Infants without families. N.Y.: Int. Univ. Press, 1945.
7. Frodi A. Variations in parental and nonparental response to early infant communication // The psychobiology of attachment separation / Eds M. Reite, T. Field. N.Y.: Academic Press, 1985. P. 351–367.
8. Gaddes H. Lernstörungen und Hirnfunktion. Eine neuropsychologische Betrachtung. Berlin: Springer Verlag, 1991.
9. Gazzaniga M. The social brain. Discovering the networks of the mind. N.Y.: Basic, 1985.
10. Goldfarb W. Psychological privation in infancy and subsequent adjustment // Amer. J. of Orthopsychiatry. 1945. V. 15. P. 247–255.
11. Harlow H.F. Total social isolation: Effects on Macaque monkey behavior // Science. 1965. V. 3670.
12. Harlow H.F., Harlow M.K. Social deprivation in monkeys // Scientific American. 1962. V. 207. P. 137–146.
13. Hess E. Prägung // Die frühkindliche Entwicklung von Verhaltensmustern bei Tier und Menschen. München: Kindler, 1975.
14. Kestermann G. Geslik von Säuglingen: Ihre kommunikative Bedeutung für erfahrene und unerfahrene Bezugspersonen: Dissertation. Universität Bielefeld, 1982.
15. McCurthy O., Booth E.M. Parental rejection and stunting of growth // J. of Psychosomatic Research. 1970. V. 14. P. 259–265.
16. Papoušek H. Experimental studies of appetitional behavior in human newborns infants // Early behavior: Comparative developmental approaches / Eds H.W. Stevenson, E.H. Hess, H.L. Rheingold. N.Y.: Wiley, 1967. P. 249–277.
17. Papoušek H. Entwicklung der Lernfähigkeit im Säuglingsalter // Intelligenz, Lernen und Lernstörungen // Hrsg. G. Nissen. Berlin: Springer Verlag, 1977. S. 89–107.
18. Papoušek H. Toward hemispheric specialization during infancy: Manual skills versus acquisition of speech // Theory and research in behavioral pediatrics / Eds H.E. Fitzgerald, B.M. Lester, M.V. Yogman. N.Y.: Plenum, 1991. V. 5. P. 209–215.
19. Papoušek H., Bernstein P. The functions of conditioning stimulation in human neonates and infants // Stimulation in early infancy / Ed. A. Ambrose. L.: Academic Press, 1969. P. 229–252.
20. Papoušek H., Papoušek M. Die Rolle der sozialen Interaktion in der psychischen Entwicklung und Pathogenese von Entwicklungsstörungen im Säuglingsalter // Psychiatrie des Säuglings- und des frühen Kleinkindalters / Hrsg. G. Nissen, Bern: Huber, 1982. S. 69–74.
21. Papoušek H., Papoušek M. Intuitive parenting: A dialectic counterpart to the infant's integrative competence // Handbook of infant development (2. Ausgabe) / Ed. Y. Osofsky. N.Y.: Wiley, 1987. S. 669–720.
22. Papoušek H., Papoušek M. Frühe menschliche Kommunikation: Biologisches Erbe und Entwicklungspotential // Therapie. Anspruch und Widerspruch / Hrsg. H. Viebrock., U. Holste. Bremen: Bremische Evangelische Kirche, 1991. S. 70–83.
23. Papoušek H., Papoušek M. Early integrative and communicative development: Pointers to humanity // Integrative biological psychiatry / Hrsg. H.M. Emrich, C.M. Wiegand. Berlin: Springer Verlag, 1992. S. 45–60.
24. Papoušek M., Papoušek H. Neue Wege der Verhaltensbeobachtung und Verhaltensmikroanalyse // Sozialpädiatrie in Praxis und Klinik. 1981. B. 3. S. 20–22.
25. Papoušek M., Papoušek H. Intuitives elterliches Verhalten im Zwiegespräch mit dem Neugeborenen // Sozialpädiatrie in Praxis und Klinik. 1981. B. 3. S. 229–238.
26. Papoušek M., Papoušek H. Musical elements in the infant's vocalization: Their significance for communication, cognition, and creativity // Advances in infancy research / Ed. L.P. Lipsitt. N.Y.: Ablex, Norwood, 1981. V. 1. P. 163–224.
27. Papoušek M., Papoušek H., Bornstein M.H. The naturalistic vocal environment of young infants: On the significance of homogeneity and variability in parental speech // Social perception in infants / Eds T. Fiebs, N. Fox. N.Y.: Ablex, Norwood, 1985. P. 269–297.

28. Papoušek M., Papoušek H. Stimmliche Kommunikation im frühen Säuglingsalter als Wegbereiter der Sprachentwicklung // Handbuch der Kleinkindforschung / Hrsg. H. Keller. Berlin: Springer Verlag, 1989. S. 465–489.
29. Papoušek M., Papoušek H. Intuitive elterliche Früherziehung in der vorsprachlichen Kommunikation II: Früherkennung von Störungen und therapeutische Ansätze // Sozialpädiatrie in Praxis und Klinik. 1990. B. 12. S. 579–583.
30. Provene S., Lipton R.C. Infants in institutions. N.Y.: Int. Universities, 1962.
31. Ribble M. Infantile experience in relation to personality development // Personality and the behavior disorders / Eds J.McV. Hunt. N.Y.: Ronald Press, 1944. P. 621–651.
32. Sameroff A.J., Seifer K., Barocas K. Impact of parental psychopathology: Diagnosis, severity, or social status effect? // Infant Mental Health Journal. 1983. V. 4. P. 236–249.
33. Sarimski K. Interaktion mit behinderten Kleinkindern. München: Ernst Reinhardt Verlag, 1986.
34. Schötzau Å., Papoušek H. Mütterliches Verhallen bei der Aufnahme von Blickkontakt mit dem Neugeborenen // Zeitschrift für Entwicklungspsychologie und pädagogische Psychologie. 1977. B. 9. S. 1088–4089.
35. Spitz R.A. Hospitalism: An inquiry into the genesis of psychiatric conditions in early childhood // Psychoanalytic Study of Child. 1945. V. 1. P. 53–74.
36. Thomas A., Chess S. Temperament and development. Brunner; Mazel, 1977.
37. Weininger O. Mortality of albino rats under stress as a function of early handling // Canadian J. of Psychology. 1953. V. 7. P. 111–114.
38. Winnicott D.W. The theory of the parent-infant relationship // International J. of Psychoanalysis. 1960. V. 41. P. 585–595.

THE SIGNIFICANCE OF NONVERBAL COMMUNICATION IN INFANCY FOR MENTAL DEVELOPMENT

H. Papouschek*, M. Papouschek**, K. Soloied***

*Dr. sci. (medicine), president of International Society for Infancy Studies,
honoured professor of Ludwig-Maximilian University, Munich

**Dr. sci. (medicine), professor of Ludwig-Maximilian University,
head of the investigation's subdivision of Child's Centre, Munich

***Cand. sci. (psychology), docent of Moscow State Opened Pedagogic University,
psychologist of children' psychoneurologic sanatory, Moscow

The adaptive significance of communication for human evolution and individual mental development is discussed. The attention is focused on early parent-infant dialogs. It is affirmed that successful speech acquisition depends on a number of predispositions of both parents and infant. A conclusion is made that adequate functioning during preverbal age influences the infant's mental development and social integration also.

Key words: preverbal communication, intuitive parents behaviour, didactic predisposition, early deviations in communication.